

П Р И Л О Ж Е Н И Е

За истины фасадом
Подчас увидишь ты
Отравленные ядом
Кинжалы клеветы.
Личину лицемера
Не сразу разберешь —
Он под покровом веры
Искусно прячет ложь!

Благочестивая ярмарка

(The Holy Fair)

Воскресным днем собравшись в путь,

Когда все солнцу радо —

Я на поля решил взглянуть

И подышать прохладой.

Играло солнышко лучом,

Лучи всю землю грели,

Зайчата прыгали кругом

И жаворонки пели,

Был светел день.

Я шел, любуясь всем вокруг,

Легко шагали ноги,

Когда вдали заметил вдруг

Трех женщин у дороги.

Был черен капюшон на двух

И серый плащ на третьей,

Я сразу различил старух

И девушку заметил.

— Хорош был день...

Каргу одну смешать с другой

Не трудно — так похожи!

Как молоко, что у дурной

Хозяйки скисло — рожь.

Как козочка была легка
Их спутница, красива:
Меня узнав издалека,
Остановилась живо,
Светла, как день весенний.
Я шляпу снял и говорю:
«Мне что-то в вас знакомо,
Я видел вас, да не пойму —
На улице иль дома?»
Она, смеясь, мне говорит:
«О, мы друзья до гроба!
Никто еще так не грешит,
Как мы грешили оба,
Забыв про день субботний.
Я — Шутка, и твой лучший друг,
Как говорит поверье,
Ханжа со мною рядом здесь,
А это — Суеверье.
Мы все на ярмарку гурьбой
Спешим, как и бывало...
Прелестна парочка! За мной!
Ей дела там немало,
Повеселимся в этот день...
С тобой — готов!
И мы пошли
Вперед, не уставая...
Повозки, пешеходы шли —
Толпа людей густая.
Шел фермер, павой разодет,
За ним другой и третий,
Рабочий в куртке, средних лет,
И женщины, и дети.
Девчонки, хоть босые шли,
Наряды раздобыли,
В корзинках пирожки несли
И творог не забыли.
У входа уйма «черных шляп»²,
Гуляющих по свету...
Спешишь на ярмарку попасть —
Гони скорей монету!

Лит. сверж с продолжением
высказывания — Горючий, 1989

Полпенса каждый заплätил,
Глядим, что здесь творится:
Скамью несут, тот стул тащил,
Тот весело бранится,
Да так, что суток мало.
Здесь балаган, там Росер Джесс³,
А с нею потаскушки
Ждут появления повес,
Охочих до пирушки.
Ну прямо хоровод из баб,
Которым нынче жарко...
Им по нутру и брань, и храп
Распутников Кильмарка,
Весь день шутить готовых.
Здесь взгляд на небо устремлен,
Вся мысль — о жизни бременной,
Молитв слова, потом поклон —
Коленопоклоненный.
А рядом парни... Слова нет —
Коль вышел из пеленок,
Пожалуй, будет тошен свет,
Когда в нем нет девчонок.
О, счастливы те, кто в этот час
С любимой вместе ходит —
Он в блеске самых милых глаз
Весь мир себе находит.
Рука без страха стул берет,
Потом коснется шеи,
Потом на грудь легла, и — вот,
Обнимет не робея,
Забыты день и время.
Но что произошло теперь?
Вот легкий шум в народе,
Идет, открыв палатки дверь,
С горой проклятий Моды⁴.
Когда бы черт забрался к нам,
При виде этой хари
Он стрекача бы задал сам
К чертям, смоле и гари...
А светлый день не помнил...

Но чу! Наш пастор начал выть,
То кулаком ударит,
Ускорит ход, убавит прыть,
Сравнением подарит...
Нос кверху, с глаз — прямой упырь,
Визжит домашней хрюшкой,
И сердце превратит в пузырь —
Пластырь с испанской мушкой,
В подобный день...
Но вот на кафедре другой...
Полно негодованья,
К нему проклятья шлет волной
Святых отцов собранье.
Но Смит⁵ спокоен. Не смутят
Его слова иронии...
Его авторитет — Сократ
И еретик Антоний!
О долге смеет говорить,
(Какой нахал, однако!),
Зовет об истине судить
И рассуждать инако,
В сей божий день!
Но Пиблес⁶, наш святой отец,
Придя из Ватер Фига,
Сменяет Смита наконец,
И ставка Смита — бита.
Как Моды он олять гнусит...
Но с ними в жаркой схватке,
Повержен, Здравый смысл бежит
От Моды без оглядки —
В сей постный день.
И Миллер⁷ мелет чепуху,
Скронивши кротко глазки,
Хоть верит сам в свою труху
Как в бабушкины сказки.
Что ж из того, он знает сам,
Что чушь несет победно.
Но и святым подчас отцам
Свой дом иметь не вредно,
Хотя бы в день такой...

Святой трактир открыт для всех,
И в том не вижу дива,
Что здесь, где говорят про грех,
Торгуют также пивом.

И шум стоит теперь и гам,
В трактире в самом деле,
Смешалось все и к словесам
Не лишни пиво с элем.

Стакан вина! Я выпить рад —
Да сгинет сонм проклятых!
Милей мне кружка во сто крат
Всех Моди вместе взятых.

Стакан вина повысит ум,
С ним — сердце не устало!
С вином — есть время и для дум,
И целый мир мне — мало
И в ночь, и в день...

Сидят ребята за столом,
Девичат целуя смело,
Спасают душу, но при том
Не забывают тело.

Смеются, шутят, пьют, едят,
Иль пожимают плечи,
Мигнет одна — и говорят
Уж в уголке о встрече —
В удобный день...

И вдруг труба, как в день суда
Над нашим грешным миром:
Блэк Рассел⁸ к нам забрел сюда
С своим почтенным клиром.

Он адом грешникам грозит —
Суставы в лихорадке,
От ужаса душа дрожит
И убегают в пятки,
На целый день...

Ад — это ведь котел без дна,
Наполненный металлом,
Но ваша велика вина,
Вам даже ада мало!

В испуге все, но ада нет,
Лишь Рассел воет злобно,
Да в уголке храпит сосед,
Котлу иль двум удобно...
Вести и дальше мой рассказ
Причины нет, пожалуй,
Хоть не поведал я для вас
Десятой доли малой.

.
.
.
.

Как много каменных сердец
Там новый мир познали:
Переродились наконец
И к церкви ближе стали —
Одних к тому любовь влекла
К любезной им красоте,
Другие отошли от зла,
Хватив в излишке водки...

П Р И М Е Ч А Н И Я К П Р И Л О Ж Е Н И Ю

1. Джеймс Кинсли в комментариях к III тому «Поэм и песен Бернса» (Оксфорд. 1968) полагает, что автором стихотворного эпиграфа является Том Браун; Вильям Уоллес — редактор книги *Poetical Works of Robert Burns*, изданной к двухсотлетию со дня рождения поэта (1958, переиздано в 1970), указывает, что эпиграф, характерный и для других творений Бернса, по всей вероятности принадлежит ему самому (р. 183).
2. Black Bopnet — «черные шляпы» — прозвище лиц, стоявших у церковных дверей для приема пожертвований на церковные нужды; иногда термин применялся для обозначения священника.
3. Росер Джесс — дочь содержательницы кабака, который охотно посещался молодежью.
4. Мооди Александр (1722—1799) — священник, яростный сторонник «Старых светочей», неоднократный объект сатиры Бернса.
5. Смит Дж. — священник из Галстона, представитель «Новых светочей». Бернс пытался показать его с положительной стороны.
6. Вильям Пиблес — священник из Ньютона на Эйре (иначе называемого благодаря географическому положению «Water-It» (Уотер-фит)).
7. Александр Миллер — священник одного из приходов.
8. Блэк Рассел-Джон Рассел (1740—1817), священник из Кильмарнока. Современник свидетельствует: «Мне приходилось знать леди, которая неожиданно увидев его на церковной кафедре, была столь охвачена чувством ужаса, что предпочла сбежать» (см. комментарий в кн. Дж. Кинсли, р. 1103). По словам другого очевидца, «голос его был подобен раскатам грома», что поражало слушателей неизменно.